

Газета Государства Российского

Александр ПРОХАНОВ

АЛЕЮЩИЙ ВОСТОК

Мой стих упал на дно сухого моря.
Ушёл на фронт, забыв полить цветок.
Лицо жены, померкшее от горя.
Блокаст, стрельба, алеющий восток.

Всю ночь в Донцке грохотали пушки.
Горел бетон, дымилась арматура.
В развалинах лежал убитый грушник.
Звезда войны архитектура.

Комбат убит. Мы молча пили водку
В прифронтовом дешёвом кабаке.
А рядом миномёты драли глотку,
И мины разрывались вдалеке.

Пронзённый в грудь, лежал на дне воронки.
Я был один, заброшен на земле.
В заре летели чёрные вороны
И что-то хриплое они кричали мне.

В степи, на месте минного разрыва,
Где бият лежал разорван и кровав,
Растёт травы серебряная грива.
В народе имя ей — "разрыв-трава".

Кто ты, светловолосый украинец!
Кого любил? В каком посёлке жил?
Кому на праздник привозил гостинец?
Будь проклят час, когда тебя убил.

В пшеничном поле два подбитых танка.
Я заглянул в распахнутые люки.
Танкистов обгорелые останки.
На пулемёте скрюченные руки.

Как воск, потёк железный ствол винтовки.
Платок жены по небу гонит ветер.
Мокры, как кровь, в газетях заголовки.
Я умер и проснулся на рассвете.

Он был носатый одессит,
Играл в одесском джазе.
Его брелок ещё висит
В подорванном КамАЗе.

Девушка в холщовой вышиванке.
Поцелуй сладкие, как мёд.
На рассвете появились танки.
Я станул с плеча гранатомёт.

Мы ночью охраняем мост,
Отец и мы, его два сына.
Когда б ты знала, сколько в небе звёзд,
Зелёных, белых, синих.

Пусть ты издал последний крик,
Но жить не перестал.
Твой луч пройдёт в смертельный миг
Сквозь пламенный кристалл.

Железных мух назойливое пенье.
Богварые зарницы вдалеке.
Я помню, как на празднике Успенья
Ты подошла в сиреновом платке.

Они его вторёи забили в угол.
Железный прут без усталости хлестал.
В миру он добывал доносчий уголь.
Став ополченцем, умер за Христа.

Мой дед снискал "Георгия" и славу.
А мой отец погиб под Сталинградом.
Я пережил шестнадцать войн кровавых.
Теперь лежу под украинским "градом".

Ваши алые знамёна,
Ваши рыцкие чубы.
Отгнанные батальоны
И простреленные лбы.

Кто поднял бурю? Кто за ней грядёт?
Чей лик узрим? К какому исполниту
Приникнут народы? Кто перережёт
Историю гнилую пуповину?

Взял карандаш, провёл стрелу на карте.
Стрела была упряма и красна.
Пошли полки. Так по молитвам, в марте,
Вновь начиналась Русская Весна.

Среди полей пшеничных, минных,
Где я стрелял и кровью харкал,
Вставал, как розовый фламинго,
В пучах зари разбитый Харьков.

Жилой квартал месили "грады".
Их оборона шла на убыль.
Убит комбат. Ему наградой
Послужит мёртвый Мариуполь.

Я бил в упор по амбразуре.
Кругом свинца и стали пляска.
На обгорелой арматуре
Висела детская коляска.

Сначала били самоходки,
Потом мы шли на этакти.
Сходясь, зубами рвали глотки.
Исход решали штык-ножи.

Я матерился зло и глухо.
Мне не давался этот дом.
Лежала мёртвая старуха
В своём платочке голубом.

Мне врач пришёл оторванную ногу,
Скроил лицо, порезанное миной.
Так, дом за домом, трудно, понемногу
Россия прирастала Украиной.

Он был подхвачен буйной круговертью,
С одной войны к другой перелетал.
Всю жизнь он гнался по пятам за смертью
И вот сегодня, наконец, догнал.

"Мой милый, мы умрём когда-нибудь".
Так в детстве моя мама говорила.
Но пуля постучала громко в грудь
И мне в бессмертье двери отворила.

Восстань из сумрачного бреда.
Очнись от призрачного сна,

Моя прощальная победа,
Моя последняя весна.

Колонны шли от Брянска и Ростова.
Ракетчики высматривали цель.
В глухом селе с распятия Христова
Летела на пол красная капель.

Небес насулпленные брови.
Озёр закрытые глаза.
Всё безответней и суровей
На нас взирают образа.

В селе был враг, и мы ввязались в драку.
Вели огонь из всех железных трубок.
Я помню, как трёхногая собака
Несла в зубак ноги своей обрубок.

Где городов истерзанные лица,
Где на полях прошедших танков след,
Где за селом вишнёвый сад дымится,
Там я в него всади́л боекомплект.

Текли и плавилась стволы.
Ревели бомбы и фугасы.
Нам подавали на столы
В котлах проваренное мясо.

Врач с блестящею иглою.
Лоб обмотан красной марлей.
Я лежал, и надо мною
Танцевал кровавый карлик.

Веков запутанная щаща.
Полков безвременный поход.
Горит закат. Россия пьёт
Свою отравленную чашу.

Войска дрались упорно и бесстрашно.
Разбитых городов дымились груды.
Но за спиной, в тени кремлёвской башни
Своей поцелуй выращивал Иуда.

Как хороши, как свежи были танки.
Как глубоки под Харьковом окопы.
Мы хоронили бранные останки
Когда-то восхитительной Европы.

На флангах бились ополченцы.
Нам не сдавался Угледар.
По центру двигались чеченцы.
Я слышал их "Аллах Акбар".

Твой род возрос из Центороя.
Идётся в огонь, отважный горец.
Герой страны и сын героя,
Чечни бесстрашный ратоборец.

Крошили пулемёты вкривь и вкось.
Горел КамАЗ, на поле боя брошен.
Хрипя, я расправлял земную ось,
Сгибаясь сам под непосильной ношей.

Скажи мне, кудесник, любимец полков,
Мой мудрый и строгий куратор,
Когда же над крошкой седых облаков
Пятнистый мелькнёт "Аллигатор".

Та с жёлтым кловом, тот с собачьей гривой,
А тот с клешней, а та с железной бровью.
Две старых ведьмы нежатся игриво.
Россия их выхаркивает с кровью.

Они бежали, побросав дворцы,
В страну отцов, от ужаса немея.
Бежали горя русского творцы.
Так от пожара уползают змеи.

Ты нас спасла от пыточного ада.
Мы верили в тебя с петлёй на шее.
Победа, ты волшебная лампада,
Горящая над сумрачной траншеей.

Её насиловал и продолжал курить
Среди истлевших курток и тузюрок.
"Теперь ты, сука, станешь говорить!"
И о живот её гасил окурок.

Мы приехали на хутор близ Диканьки
На разбитом изуродованном танке.

Два топора, две сумрачные плахи.
Спит палач. Безмолвствует народ.
Две женщины, две белые рубахи,
Босые поднялись на эшафот.

Стояла полная луна,
По белизне бежали тени,
И там как будто шла война,
Горели лунные селенья.

Стоял зелёный тополёк
Колёблем ветром.
Наш полк под Харьковом полёг
И стал Бессмертным.

В монастыре, в его соборе чистом,
Наперекор наветам и вражде,
В святую ночь, пред образом лучистым
Монахи́ни молились о вожде.

Где мне найти слова неизреченные?
Пропеть псалом:

"Господь, помилуй нас...!"
Монахи́ни, как траурницы чёрные,
Летят на золотой иконостас.

По уголкам шептались царедворцы.
Янул измены едкий сквознячок.
Ты мне сказал:

"Блаженны миротворцы".
Навёл прицел и надавил крючок.

О, города! О, взорванные горы!
Где ваших дев и юношей краса!
Идут гуманитарным коридором,
Под их ногами алая роса.

Моей судьбы разбитые чертоги.
Моей души разорванные струны.
Он был убит в пшенице при дороге,
И на плече его темнели руны.

Пули пели соловьями,
Заливались.
Наземь падали славяне,
Убивались.

Был генерал суров и строг,
Сирийским солнцем опалённый.
Настал февраль, и вышел срок.
Пошли на Харьков батальоны.

Его разорванное тело
Дымилось, копотно горя.
С востока огненно летела
Победы алая зоря.

Ночью, из небесного гнезда,
Сказочно, пленительно, по-детски
Выпадает синяя звезда
И сжигает улицы Донцка.

В том переулке, танками измятом,
Я норовил всади́ть в него обойму.
Он покрывал меня шахтёрским матом.
Я отвечал. Мы продолжали бойню.

Домов разрушенные глыбы.
Под фонарём забытый труп.
А вы ноктюрн сыграть смогли бы
На флейте миномётных труб?

Оставь обман слепых гаданий,
Игру пустопорожних версий.
Пятнадцать точных попаданий.
Пятнадцать пулевых отверстий.

Скажи мне, бабочка-белянка,
Лугов цветущий полонянка,
Не ты ль та девушка была,
Что мне веночек заплела?

Букет воспоминаний яркий.
Ни одного не оброни.
Тот запах танковой солёрки.
Тот холод танковой брони.

Весенняя, намокая от слёз,
Над Родиной, изрезанной фронтами,
Победа, ты летишь в венке из роз,
Обмотана кровавыми бинтами.

Двое с утонувших кораблей,
Мы с тобою в буре уцелели.
Стан деревянных журавлей
Поднялись с могил и утелели.

Его убили в Волножаве.
Мы всей деревней лили слёзы.
Надели чёрные рубахи
На сельском кладбище берёзы.

Но мы дойдём, дойдём до Львова,
Зажмём в кулак его ключи,
Чтоб вместо жёлто-голубого
Кругом сияли кумахи.

Мой поэтический "Скворода".
Перед атакой выплюй водки,
Чтоб зашили города,
Как караси на сковородке.

Мой горький стих, мой "символ веры"
Пером, изглоданным войной,
Пишу на башне бэтэра
С его оплавленной броней.

А в московских ресторанах пьют "Шабли",
А на Чёрном море тонут корабли.

Мне видятся всё ярче и светлей
Средь рёва мин и грохотанья пушек
Тот синий след от золотых саней
И снежиры у голубых опушек.

Палёных сёл печальный запах.
Тоскливый вой сирот и вдов.
Горит закат. Идём на запад
Среди дымящихся городов.

Друг мой, друг мой,
Вытри слёзы.
Передай жене и сыну,
Пусть под белою берёзой
Расцветёт подснежник синий.

Он к нам опять пришёл на Русь,
Угрюмый рыжий немец.
Я рассказать вам не берусь,
Что сделал с ним чеченец.

Казалось, те пули давно улетели,
Но снова крутой поворот.
И девушка наша в походной шинели
Горящей Каховкой идёт.

Там было много гнёзд осиных,
Да и змеиных гнёзд немало.
И мы срывали жёлто-синий
И вешали пурпурно-алый.

Потух пожар, погасли небеса.
Я отдышался от слепого бега.
Зачувшие в подвалах голоса
Смолкали, превращаясь в хлопья снега.

Они стоят. Мы наступаем
Сквозь гарь и дым, сквозь кровь и пот.
Мы — трубочисты, прочищаем
Войны угарный дымоход.

Завод гремел и грохотал.
Я в мой прицел вводил поправку.
Мы жгли плавильные цеха,
"Азов" пуская в переплавку.

Уйдёт война, поднимется трава.
И люди не найдут на книжках полке
Разбитых уст прогорклые слова,
Моих стихов, моей души осколки.

Хрустел Урал, дрожала Волга жила,
Рвалась границы призрачная лента.
То распрямлялась русская пружина,
Скрипящие сдвигала континенты.

«Победа, ты волшебная лампада, горящая над сумрачной траншеей...»

табло:

● Как отмечают эксперты СБД, общеизвестными фактами применения наркотиков в украинских вооружённых формированиях маскируются проводимые США масштабные испытания боевых химических препаратов, которые делают бойцов выносливее, но разрушают организм. Сдавшиеся в плен украинские военнослужащие подтверждают, что им регулярно на протяжении месяца боевых действий давали таблетки, вызывающие бодрость и нечувствительность к боли. Учитывая, что такие препараты можно применять без существенного вреда для здоровья не более нескольких дней, можно констатировать, что на Украине запад-

ные хозяева обкатывают все свои самые чудовищные программы...

● Призывы свергнутого пакистанского лидера Имрана Хана к восстанию против США и прошедшие массовые митинги его сторонников по всей стране усилили беспокойство пакистанцев, проживающих в Великобритании, поскольку представители этой богатейшей диаспоры опасаются, что вслед за обвинениями Хана в коррупции поднимется волна раследований и блокировок недвижимости и банковских счетов пакистанских бизнесменов. На фоне уже принятых санкций в отношении россиян это может означать начало необратимого процесса утраты Лондоном привлекательного статуса "второго дома" для олигархов всего мира, сообщают из Цюриха...

● Подписанный Президентом России Владимиром Путиным закон о делистинге, запрещающий размещение и обращение на иностранных фондовых биржах депозитарных расписок на акции российских эмитентов, вызвал замешательство у американских и британских спекулянтов, поскольку запрета на торговлю акциями неподсанкционных российских эмитентов западные регуляторы не вводили, однако в случае невыполнения делистинга иностранные владельцы российских акций не смогут участвовать в собрании акционеров и получать дивиденды, утверждают наши источники в Нью-Йорке...

АГЕНТУРНЫЕ ДОНЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ "ДЕНЬ"

САНКЦИОННАЯ ДУБИНКА

Как США отслеживают и штрафуют нарушителей

Беседа с доктором экономических наук, профессором Департамента общественных финансов Финансового университета Сергеем АНУРЕЕВЫМ

"ЗАВТРА". Сергей Владимирович, нам объявлены "адские санкции", но как США собираются следить за соблюдением этих санкций?

Сергей АНУРЕЕВ. У Соединённых Штатов богатый опыт наложения штрафов за нарушение санкций. Они не одно десятилетие штрафуют по самым разным поводам и компаниями, и банки, и физических лиц. Есть официальная статистика по таким штрафам, которая публикуется Управлением по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control — OFAC), являющимся подразделением Министерства финансов США (US Treasury).

За 2022 год, который пока только начался, они опубликовали два решения по наложению штрафов. За 2021 год было оштрафовано 19 лиц. А самая большая сумма штрафов была в 2019 году: 26 штрафов по 22 лицам на 1,3 млрд долл.

"ЗАВТРА". Но это не только в отношении России?

Сергей АНУРЕЕВ. Конечно, сюда входят и другие страны и организации, которые не идут в мейнстриме американской политики. Есть несколько десятков разных обстоятельств, по которым могут быть наложены штрафы, и политические санкции — это только одна из тем.

Количество штрафов именно по политическим мотивам было в прошлые годы относительно небольшим, но общее число и суммы штрафов применительно к крупным корпорациям, как американским, так и неамериканским, внушительны.

По сути, такие штрафы являются формой квази-налогов или даже индивидуальных налогов. У нас в теории налогов и инвестиционного климата принят принцип универсализма: условия деятельности должны быть одинаковыми для всех, а в США существует целая индустрия получения индивидуальных разрешений, которыми определяются, что можно, а что нельзя делать в тех или иных подсанкционных странах.

"ЗАВТРА". То есть кому-то можно работать, например, с Ираном, по специальному разрешению?

Сергей АНУРЕЕВ. Да, американские компании работают и с Ираном, и на Кубе, и в других странах, им что-то разрешают, а потом начинают долгие разбирательства на тему: "а не вышли ли они за границы разрешений, учли ли все обстоятельства, которые были запрещены?" По сути, штрафы — это цена индивидуальных разрешений.

Законодательно предполагается, что штраф равен размеру транзакции, которую провели с подсанкционным лицом: перевели тысячу долларов — штраф тысяча долларов, перевели миллиард — штраф миллиард. Но на практике американцы очень избирательно подходят к сумме штрафов за те или иные нарушения. Создана целая индустрия, очень быстро развивающаяся, в которой юристы, аудиторы, консультанты, IT-шники занимаются, с одной стороны, тем, как избегать штрафов, с другой — как ловить тех, кто избегает.

"ЗАВТРА". А как это конкретно работает на практике?

Сергей АНУРЕЕВ. Рассмотрим ситуацию с одним крупным европейским банком, "дочка" которого занимает значимую позицию в России. Судебное решение состоялось в апреле 2019 года. Первоначально ему предъявили штраф в размере полутора миллиарда долларов. Но поскольку банк пошёл на сотрудничество с американскими органами, ему снизили сумму до 650 миллионов долларов, то есть более чем в 2 раза.

Банку инкриминировали то, что он не должным образом проводил платежи (в соответствии с индивидуальными разрешениями) на Кубу, в Судан, Иран и Ливию (в резолютивной части наиболее подробно расписано про Иран). Самый крупный штраф был наложен на немецкий офис этого банка, расположенный в Мюнхене. Этот офис с 2007 по 2011 год провёл 2158 платежей в адрес подсанкционного лица из Ирана, но не напрямую, а через "дочки" этого лица. Надо отметить, что основания для штрафов формулируются достаточно широко, то есть может быть оштрафовано не только лицо из санкционного листа, но и лица, прямо или косвенно с ним связанные.

"ЗАВТРА". Это можно трактовать, как известное "дышло"...

Сергей АНУРЕЕВ. Да, и банк считал, что поскольку "дочки" этой иранской компании в санкционном листе не стоят, то с ними операции проводить можно. Более того, поскольку эти операции проводились на протяжении четырёх лет, банк думал, что раз первый год "прокатило", второй год "прокатило", значит можно. А американский регулятор просто сидел и ждал, пока "телёночек вырастет большим"... По-настоящему, надо было сразу, отловив парочку транзакций, сказать: "Ай-ай-ай, нельзя". Но это не в интересах американского регулятора, поэтому он терпеливо ждал несколько лет, пока сумма штрафа станет больше, исходя из большего объёма транзакций.

"ЗАВТРА". А с какими операциями были связаны эти платежи Ирану?

Сергей АНУРЕЕВ. С поставками казахстанской нефти в Иран, за которую Иран платил через эту мюнхенский офис несколько лет, пока размер штрафа не дорос до полумиллиарда долларов. Банк обвинили в отказе от должного контроля, поскольку банк действовал формально: санкционные списки автоматически проверялись программой, с периодическим зачищением обновлений этого списка, и выдавался ответ, есть клиент в списке или нет. Но с точки зрения санкционной риторики этого недостаточно, нужно было банку "копнуть" клиента глубже.

Окончание беседы — на стр. 8